

Михаил Петров

СТАРЕЮЩИЙ ПОЭТ

Пьеса.

**Специальное издание к 100-летию со дня начала
литературной деятельности
Игоря-Северянина.**

**Издание автора
Reval 2005**

Игорь-Северянин. Октябрь 1930, Рига.
Фото Евгения Финка

*Подарено автором
Марии Третьяковой*

СТАРЕЮЩИЙ ПОЭТ

Десять сцен с финалом из жизни бывшей всероссийской знаменитости.

Действующие лица.

Игорь, стареющий поэт, бывшая всероссийская знаменитость.

Фелисса (Фишка, Фикша), молодая провинциальная эстонка, жена стареющего поэта.

Василий Витальевич, известный монархист, литератор, идеолог «Белого движения».

Мария Дмитриевна, жена Василия Витальевича.

Сергей Александрович, муж полупоэтессы Валентины Васильевны.

Вера Яковлевна, хозяйка замка Храстовец.

Вера Борисовна, «гражданская жена» поэта, последняя пассия.

Лидия Тимофеевна, знакомая Игоря и Фелиссы по загранице, голос за сценой.

Георгий Аркадьевич, друг поэта, голос за сценой.

* * *

Действие происходит в поезде по дороге из Белграда в Варшаву в августе 1934 года, а так же тремя месяцами ранее в Белграде на улице Персиде в «подвальчике Кривого Джимми», как называют эту квартиру ее обитатели Василий Витальевич и Мария Дмитриевна и шестью месяцами ранее в замке Храстовац, принадлежавшем когда-то графам Герберштейн. А так же спустя два года в Тойла, семью годами позже на кладбище в Таллинне и семнадцатью годами позже в одиночной камере Василия Витальевича во Владимирской тюрьме особого режима.

Игорь, Фелисса, Василий Витальевич и его супруга, Георгий Аркадьевич, Сергей Александрович, Лидия Тимофеевна, Вера Яковлевна и Вера Борисовна исторически действительные, узнаваемые персонажи.

Сцена первая.

Где-то в Югославии. Поезд. Вагон I класса, двухместное купе. Перестук колес. Игорь и Фелисса.

Игорь (*непонятно, что он имеет в виду конкретно – какие-то события или пейзаж за окном*): Что ты обо всем этом думаешь, моя дорогая?

Фелисса: Я думаю, что ты немного устал. Я тоже устала, а впереди нас ждет весна.

Игорь (*задумчиво*): Еще одна весна, последняя, быть может... Хорошая строка.

Фелисса: Слишком мрачно.

Игорь (*декламирует без выражения*):
Весен всех былых весна весенней
Предназначена мне в этот год:
Девушка из детских сновидений
Постучалась у моих ворот.

Фелисса: Девушка из сновидений. Невеста. Я помню, как её братья гонялись за тобой по перрону вокзала в Кишиневе. Фокстрот неистребим в ней, не правда ли дорогой?

Игорь: Не забывай, что она поэтесса.

Фелисса: Она певичка из кабаре, дорогой, и не более того.

Игорь: Она поэтесса, как и ты.

Фелисса: Я не видела ее стихов.

Игорь: Это не имеет значения. Она – поэтесса, потому что тонко чувствует поэзию.

Фелисса: И все же я не видела ее стихов.

Игорь: Не обязательно писать стихи, чтобы быть поэтессой.

Фелисса (*иронично*): Не обязательно писать картины, чтобы быть художником. Не обязательно сочинять музыку, чтобы прослыть композитором. Ты устал дорогой.

Игорь (*декламирует без выражения*):

А она и плачет, и смеется,
И, заглядывая мне в глаза,
Неземная по земному бьется
Вешняя – предсмертная! – гроза.

Фелисса: Душа требует поэзии?

Игорь: Душа всегда чего-нибудь, да требует. Когда душа перестает требовать поэзии, наступает смерть.

Фелисса: В последнее время ты часто говоришь о смерти. Говорю же тебе, ты устал.

Игорь: Я устал от заграницы. Все заграничные знакомые – сволочи.

Фелисса: Так ли уж и все?

Игорь: За редкими исключениями почти все.

Фелисса: А как же твои пассии? Они тоже сволочи? В три месяца три моря, три женщины и три любви. Не слишком ли, Игорь?

Игорь: Дорогая Фишка, я ищу и нахожу в них не разницу характеров, а сходство. Я постоянно ищу то общее, что их объединяет. Вся прелесть в этом.

Фелисса: А я тебя больше не интересую как женщина?

Игорь: Ты часть моей жизни. Ты важная и неотъемлемая часть моей жизни.

Фелисса: Когда на пальце нет мозоли, то его попросту не замечают. Каждый палец тоже неотъемлемая часть нашей жизни даже, когда его не замечают.

Игорь (*иронично*): Тонкое наблюдение.

Фелисса: Слава Богу, мы едем домой. Заграничные приключения закончились. Дома нас ждут деревенские развлечения и невинные шалости.

Игорь: Под шалостями ты разумеешь Дуняшу?

Фелисса: Не только.

Игорь: Вспомни, сколько раз Дуняша спасала нас от голода.

Фелисса: Я тоже подкармливаю зимой синичек. Я даю им крошки с нашего стола. Я просто хочу, чтобы они дожили до весны.

Игорь: Ты намекаешь на то, что Дуняша в обмен на еду требует от меня чего-то большего?

Фелисса: Она привлекательна, но глупа. Однако не настолько глупа, чтобы променять состоятельного мужа на птичку Божию.

Игорь: Дуняша наша страховка на голодную зиму. Говорю же тебе, что все заграничные знакомые – сволочи. Денег за проданные ими книги мы не увидим еще долго.

Фелисса: Поэтому ты волочишься за Дуняшей?

Игорь: Я разрешаю ей обожать меня, ведь я – король! Этого с нее вполне достаточно.

Фелисса: А что Ирина? Она тоже наша страховка? Позволь узнать, от чего она нас страхует?

Игорь: От пошлости.

Фелисса: А Нина, ее сестра?

Игорь: Ты и об этом знаешь?

Фелисса: Не забывай, что я твоя жена.

Игорь: Ты ищешь ссоры? Для ссоры нет причин. Мое счастье не в самом счастье. Настоящее счастье в желании счастья, в стремлении к нему. Разве я виноват в том, что моя душа постоянно стремится к счастью? К сожалению, в новых узнаваниях нет счастья. Мое счастье в самом стремлении узнавать. Впрочем, это очень личное, не поддающееся изложению в прозе.

Фелисса: Значит, ты лжешь в своих поэзах? Ты земной человек, Игорь. Тебе уже не нужны крылья, тебе нужны ноги. Хочешь, я напомню тебе твои же строки?

(Декламирует.)

Не лучше ли, чем понемногу многим,
Немногой много уделить души?

Игорь: С годами ты становишься неоправданно жестокой.

Фелисса: Это не жестокость, это мудрость. Я стала мудрее. Я больше не та восторженная деревенская девушка, сердцем которой ты овладел. Я повзрослела. Я тоже старею, Игорь. Разве ты этого не замечаешь?

Игорь: В моем сердце ты все та же девятнадцатилетняя очаровалка, поэтесса и шалунья.

Фелисса: Игорь, это только слова. Слова редко разглаживают морщины.

Сцена вторая.

Тремя месяцами ранее. Белград. Квартира в полуподвале доходного дома на улице Персиде. Обитатели квартиры называют ее подвалом Кривого Джимми. Василий Витальевич, Мария Дмитриевна, Северяне – Игорь и Фелисса.

Василий Витальевич: Милости прошу, дорогие мои Северяне! Милости прошу в подвал Кривого Джимми!

Мария Дмитриевна: Василий развлеки гостей, а я пока соберу на стол. Разнослов нет, но успех отпразднуем с шампанским. Заранее прошу простить, но ананасов не будет. *(Собирает на стол.)*

Игорь: Ах, оставьте вы эти цитаты! Милейшая Мария Дмитриевна, куда бы меня здесь не пригласили, везде норовят попотчевать ананасами. Как будто другой еды нет. На мой вкус так огурец в рассоле, куда как привлекательнее! Нет, но какова публика! Публика, какова! Пять раз на бис! Воспоминания об этом будут греть меня всю зиму.

Мария Дмитриевна: Василий, откупори пожалуйста шампанское.

Василий Витальевич: А ведь и шампанского-то у нас нет, не то, что ананасов! Зато есть отменное Токайское вино.

Игорь: Пожалуй, я бы выпил немного водки по такому случаю. Если, конечно, это никого не огорчит. Фикша, я выпью водки? Совсем чуть-чуть?

Фелисса: Ты сегодня именинник и тебе ни в чем отказа нет. Не увлекайся, однако.

Василий Витальевич: Прошу простить покорно, водка есть, но нет ни одного лафитничка – сплошной хрусталь. Мы вселились в квартиру совсем недавно, и не успели еще обрасти хозяйством.

Игорь: Тем лучше. Придется оскорбить.

Мария Дмитриевна: Господь с вами Игорь Васильевич!

Игорь: Придется оскорбить хрусталь. Водка в хрустале оскорбительна для последнего, не правда ли, друзья? Но, как меня сегодня принимали, а! *(Торжествующе.)* Триумф! Так бывало только

в России. Публика в проходах, на подоконниках, овации сумасшедшие! Цветов – море!

Василий Витальевич: Нечто подобное я наблюдал накануне Германской войны на концерте Собинова в Петербурге. Помните Собинова?

Игорь: Помилуйте, Василий Витальевич! Конечно, помню. У Собинова голос, да еще какой! Но ведь не свое поет – чужое. А я свое пою, поэтому мне против Собинова вдвойне оваций и аплодисментов. Я – гений!

Василий Витальевич наливает Игорю Васильевичу водку в хрустальный бокал, а прочим наливает вино. Забывшись, смешивает в его бокале водку с токайским. Общий смех, когда обнаруживается ошибка хозяина.

Игорь (рассматривая смесь на свет): Ошибки не в стихосложении, конечно, а в жизни, для меня всегда были привлекательнее правил. Знаете, в этом есть нечто особенное. Не скажу поэзия, но повод для поэзии есть: струя столетнего токая плеснула в оскорбляемый водкой хрусталь. Надо запомнить этот случайный мотив.

Мария Дмитриевна: Так уж и случайный? Это ведь и мой недогляд.

Фелисса (меняя тему): Пусть первый тост произнесет хозяин дома.

Василий Витальевич: Пожалуй, что тост с хозяина дома. Нет возражений? Вы все еще во власти чувств, которые так хорошо знакомы жертвам публичных выступлений. Ваш покорный слуга тоже жертва публики, и мне все это знакомо не понаслышке. Я знаю, что такое мучительное волнение до выступления и что такое первый шаг навстречу публике.

Кстати, нечто подобное, но во много раз сильнее я испытал во Пскове в марте 17-го года, когда вошел в личный вагон императора и мы почти синхронно шагнули навстречу друг другу. Публики не было, но волнение было очень схожее.

Впрочем, я отвлекся. Прошу меня простить. Итак, я хорошо знаю, что такое первый шаг, но я также знаю, что та-

кой последний шаг победителя. Шаг, когда публика у твоих ног. Шаг, когда стоять уже нет сил. Шаг, когда голова гудит, как большой колокол на пасху, но уже нельзя выпустить наружу ни единого звука. Шаг, когда уже нельзя произнести ни единого слова на публику, чтобы не испортить впечатления. Тебя переполняют слова и звуки, а надобно молчать. Я предлагаю поднять наши бокалы за сегодняшних победителей! И пусть поэзия сегодня не молчит, а продолжает звучать в подвале Кривого Джимми!

Пьют каждый свое.

Фелисса: Мы благодарны вам за ваше лестное для нас внимание. Ваши письма в нашей деревенской глуши значат для нас почти столько же, сколько значит личное общение.

Мария Дмитриевна: Одно другого не заменяет, но подменяет - временно. Когда пришло ваше первое письмо, муж сказал, что оно написано твердой рукой заправских поэтов. Мы очень рады, что установившаяся в Дубровнике душевная связь между нами сохранилась и окрепла. Для нас вы старые друзья, хотя знакомству всего два года.

Василий Витальевич: Между прочим, Марийка ваша давняя поклонница еще по Петербургу. Среди властителей ее дум вы были, едва ли не первым. Гимназисткой старших классов она зачитывалась поэтами из «Громокипящего кубка». Да и сейчас при случае может блеснуть вашею строкою.

Фелисса: Мне понравились ваши стихи Мария Дмитриевна. Я даже запомнила из них кое-что. *(Декламирует.)*

Воспоминанья юных дней...
Они всех поздних дней сильней,
В душе таясь, мгновенья ждут,
Когда вновь сердце разожгут.

Мария Дмитриевна: Признаться, сегодняшний вечер вполне сравнился с воспоминаньями и даже в чем-то превзошел их. Боюсь показаться назойливой, но на правах старого друга прошу вас. Игорь Васильевич, почитать юношеские стихи.

Василий Витальевич: Марийка называет их цветами. Ничуть не преувеличу, если скажу, что ее литературные вкусы сформировались под влиянием вашей, Игорь Васильевич, лиры.

Игорь: Что ж я готов, но прежде еще один бокал этой восхитительной смеси поэзии и прозы.

Василий Витальевич: Неужели вам понравилось?

Игорь: Я в восторге от навеянного смесью образа.

Фелисса: Осторожнее, дорогой. В твоём возрасте экспериментировать с вином и водкой вредно.

Игорь: Пусть вредно, но все в жизни есть средство для ярко-певучих стихов. Эта смесь только средство и не более того. Василий Витальевич сделайте милость.

Василий Витальевич: Охотно! *(Наполняет бокалы).* Вам по специальному требованию. *(Доливает водку в бокал с токайским.)*

Игорь: Пожалуй, что нарушена первоначальная последовательность.

Фелисса *(в сторону):* Господь не выдаст, свинья не съест.

Мария Дмитриевна: Игорь Васильевич, с вас тост. *(Торжественно.)*
Тост победителя!

Игорь: Я мог бы изобрести что-нибудь особенное для такого случая, но сегодня я не буду оригинален. В некотором роде я даже буду скучен. Посмотрите друг на друга внимательно. Что вы видите? Правильно, в подвальчике Кривого Джимми на самой богатой улице Белграда собрались четыре бедных поэта. *(Делает жест левой рукой, отвергая возражения.)*

Меня совершенно не удивляет, что мы бедны, что мы собрались не в роскошном бельэтаже, а в скромном подвале. Меня до слез изумляет другое: здесь вдали от России собрались вместе сразу четыре русских поэта. Возможно ли такое сейчас в России?! У меня нет ответа на этот вопрос...

Вернуться в дом Россия ищет троп. Мы тоже ищем свои тропы. Мы собрались в этот вечер во имя Искусства, поэтому сегодня Искусство среди нас. Так вот вам мой не вполне оригинальный тост: Искусство с нами и Бог за нас!

Пьют каждый свое.

Игорь (*все еще в концертном кураже*): Мария Дмитриевна, для вас!
(*Декламирует, дирижируя бокалом в правой руке.*)

Бессонной ночью с шампанским чаши
Мы поднимали и пели тосты
За жизни счастье, за счастье наше.
Сияли звезды.

Вино шипело, вино играло.
Пылали взоры и были жарки.
Идеи наши, - ты вдруг сказала, -
Как звезды – яркие!

Полились слезы, восторга слезы...
Минуты счастья! я вижу вас ли?
Запело утро. Сверкнули грезы.
А звезды... гасли.

Мария Дмитриевна (*в тихом восторге*): Еще, еще, прошу вас!

Игорь: Так слушайте. Я написал это в Гатчине, в музее моей весны.
(*Декламирует.*)

Любви возврата нет, и мне как будто жаль
Бывалых радостей и дней любви бывалых;
Мне не сияет взор очей твоих усталых,
Не озаряет он таинственную даль...

Любви возврата нет, – и на душе печаль,
Как на снегах вокруг осевших, полуталых.
– Тебе не возвратить любви мгновений алых:
Любви возврата нет, – прошелестел февраль.

И мириады звезд в безводном океане

Мигали холодно в бессчетном караване,
И оскорбителен был их холодный свет:

В нём не было былых ни ласки, ни участия...
И понял я, что нет мне больше в жизни счастья,
Любви возврата нет!..

Фелисса: Теперь он не угомонится, пока окончательно не покорит Марию Дмитриевну. Я давно заметила, что в покорении обожательниц он не знает полумер и всегда доводит дело до конца. (*Меняя тему.*) Вместо подвала Кривого Джимми вы могли бы снять одну приличную комнату даже на улице Персиде.

Василий Витальевич: Да, могли бы, но с милым и в шалаше рай.

Фелисса: Да, с милым.

Василий Витальевич: А с не милым? Или с полу милым? Нет, уж лучше в дождливую погоду полведра воды вместо рояля, но зато целых две комнаты.

Фелисса: Чужая семья всегда потемки. Берегите Марию Дмитриевну. Нам дорога ваша дружба.

Василий Витальевич: Дружба как и любовь, это величайшая ценность. К сожалению, истина всегда страдает, когда ты заключаешь ее в свои объятия. Можно раздавить ненароком.

Фелисса: Ему не нужна истина. Ему каждый день нужно слышать, что он гениальный.

Василий Витальевич: Признаюсь, что и сам я до конца ощутил примат содержания над формой совсем недавно, когда беседы с одной семидесятилетней дамой стал предпочитать себялюбивому щебетанию молодых эгоцентристок. Мою Марийку все еще прельщают цветы и щебетанье. С возрастом это пройдет.

Фелисса: Да, и это пройдет.

Василий Витальевич (*согласно кивая*): И это тоже пройдет.

Смеются.

Василий Витальевич: Кольцо с этими изречениями давало царю Солomonу право понимать язык животных. Я завидую моей Марийке. Она без всякого кольца понимает язык певчих птиц. Впрочем, и это пройдет.

Снова смеются.

Мария Дмитриевна: Еще, прошу вас еще!

Игорь (*галантно целуя руку*): Боюсь, наше общество обидится. Однако я сегодня в ударе. (*Восторженно.*) Каков успех был сегодня! Ай, да братья славяне! Цветов! Вина и кастаньет! Вот вам еще! (*Декламирует.*)

Я коронуюсь утром мая
Под юным солнечным лучом.
Весна, пришедшая из рая,
Чело украсит мне венцом.

Жасмин, ромашки, незабудки,
Фиалки, ландыши, сирень
Жизнь отдадут — цветы так чутки! —
Мне для венца в счастливый день.

Придет поэт, с неправдой воин,
И скажет мне: «Ты быть достоин
Моим наследником; хитон,

Порфиру, скипетр — я, взволнован,
Даю тебе... Взойди на трон,
Благословен и коронован».

Фелисса: Я не люблю эти стихи. Даже его скрупулезные описания эстонских озер, хотя и откровенно скучны, но все же более дос-

товерны. А знаете, Василий Витальевич, мысленно я часто возвращаюсь в то горное кафе в Конавлях, где мы пили, как это? Турску кофу?

Василий Витальевич: Именно турску кофу. Только кофана – это не совсем кафе в европейском понимании этого слова.

Фелисса: Знаете, это был очень поэтичный полдень. Высоко в горах. Туман. Кругом странные люди. Гостеприимные, но очень-очень странные. Я никогда не забуду ваш романтический рассказ о конавлянках. Игорь слушал вас с таким напряженным вниманием, что даже позабыл о своей гениальности. Вы удивительный рассказчик. Жаль, что вы больше не пишете прозу.

Василий Витальевич: Моя проза закончилась в 1920 году. Я поехал в Россию искать сыновей, а чекисты выставили меня круглым идиотом. Впрочем, поделом. Мне суждено остаться непонятым. Я рожден не для прозы.

Фелисса (*декламирует из Пушкина*):

Не для житейского волненья
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Василий Витальевич: Ах, Александр Сергеевич, вашими бы устами, да мед пить! А я вот всю жизнь пью горькую полынь. Ваш муж назвал бы эту полынь более величественно, ну, например, ликером независимости. А я это пойло никак не называю. Я не жалею, просто в последнее время я чувствую родство душ с Толстым – с Алексеем Константиновичем. «Двух станов не боец» - это обо мне. Я это чувствую и в полутемных ложах частной жизни, и на освещенной сцене публичной жизни. Мой доктор говорит, что я жертва своей душевной свободы... Мужу вашему принадлежат строки «Винных нет, все люди правы», а я скажу «Винных нет, но все не правы!»

Фелисса: А Игорь называет вас героем. Он говорит, что вас боятся, потому что вы последний русский националист. Настоящий националист.

Василий Витальевич: Герой! Мне нужно было потерять все, детей, родину, быть вышвырнутым за границу, бессовестно обманутым, дураком, выставленным на всеобщее посмешище, чтобы теперь лишь понять цену своему национализму.

Фелисса: Я могу это понять?

Василий Витальевич: Представьте себе Великий пост. Солнечный весенний день. В церквях поют «Даруй мне, Господи, зрети моя прегрешения и не осуждай брата моего», а на паперти по старинному русскому обычаю бьют друг друга в кровь. Виновных нет, но разве и эти тоже правы?

Фелисса: Я понимаю, что, если они настоящие русские, то должны быть правы. У меня на родине говорят, что русский всегда считает, что он прав, даже если он очевидно неправ. Так вы мне можете доходчиво разъяснить про ваш национализм?

Василий Витальевич: А зевать не будете? Тогда слушайте. Каждый народ, нация, раса имеет право на место под солнцем. Хороша или плоха раса, хороша или плоха нация, хорош или плох народ, но самим своим фактом существования он имеет ярлык на продолжение своего бытия. Русский народ народился на свет Божий и еще не исчерпал своего бытия, поэтому имеет право на существование и далее. И при том в качестве именно русского, а не какого либо иного народа.

Русским народом я считаю великороссов-северян, малороссов-южан и белоруссов-западников. Киев – это русская земля, причем более чем Москва и Петербург. Ваш Юрьев тоже русская земля. Ревель, впрочем, нет. Главное же в том, что народ имеет право на самоуправление. Многие участники Белого движения помнят, что так отвратило их от революции.

Революция оскорбила нечто такое, что до поры было запрятано в таких тайниках души, о которых они и не помышляли. И это нечто заставило их скрежетать зубами: «Ес-

ли и это стерпеть, то уж никак нельзя называться русским человеком!» Вот они встали под Белое знамя и запели:

Смело мы в бой пойдем
За Русь святую.

Потом, когда стало понятно, кто автор нестерпимых оскорблений и заушений, которые как из рупора сыпались из уст русского народа-богоносца, то сама собой сложилась вторая часть припева:

И всех жидов побьем
Сволочь такую.

Звучит терпко, но из песни слова не выкинешь. Это была самая популярная песенка по всему Югу России.

Фелисса: Теперь я понимаю, почему у меня родине говорят, что русские виноваты одним уж тем, что Господь сделал их нашими соседями.

Василий Витальевич: Нельзя судить о русских по мне или по вашему мужу. То до чего я дошел умом и жертвами, ему дается почти что даром. *(Декламирует.)*

Ты потерял свою Россию.
Противоставил ли стихию
Добра стихии мрачной зла?
Нет, так умолкни: увела
Тебя судьба не без причины
В края неласковой чужбины.
Что толку охать и тужить –
Россию надо заслужить!

Игорь: Пойдите! Хотя вы и хозяин дома, но сегодня петь имею право только я! Это мой день! Моя победа! *(Декламирует.)*

И будет вскоре весенний день
И мы поедем с тобой в Россию...
Ты шляпу шелковую надень:
Ты в ней особенно красива...

И будет праздник... большой, большой,
Каких и не было, пожалуй,
С тех пор, как создан весь шар земной,
Такой смешной и обветшалый...

И ты прошепчешь: «Мы не во сне?...»
Тебя со смехом ущипну я
И зарыдаю, молясь весне
И землю русскую целую!

Мария Дмитриевна: Bravo!

Василий Витальевич: Ну, теперь вы понимаете, почему у мужа вашего все правы, а у меня нет?

Фелисса: Игорь ненавидит политику, а вы без нее жить не можете.

Сцена третья.

Семнадцатью годами позже. Проектор освещает левый край сцены. Владимирская тюрьма. Угол тюремной камеры. Нары.

Василий Витальевич: Как я сюда попал? Очень просто. В 1944 году в Югославии меня арестовали чекисты. Дали всего-то 12 лет. За старые белогвардейские дела, да за детей, которых перемолола гражданская война...

Я уже старик и на работы меня не посылают...

Днем нельзя лежать на нарах. С этим здесь строго. В соседней камере сидит связная Степана Бандеры. Милая, простая женщина. Откуда я знаю? Мы перестукиваемся по вечерам...

А этой ночью мне приснились милые мои Северяне. Вот не знал, что переживу Игоря!..

А ее звали Фелисса, что значит счастливая. Не знаю, можно ли было назвать их союз счастливым. Для него она, действительно, была солнцем. Но он казался ли ей звездой? Может быть, когда-то раньше... А по внешности они очень подходили друг к другу - полнейший контраст. Она была льняная блондинка с гладко зачесанными волосами в стиле Ибсена....

Красивой ее нельзя было назвать, но она была изящна. Иностранный акцент, от которого она не могла освободиться, не делал ее смешной. *(Декламирует.)*

Пленительность эстонки,
Глубины, что без дна,
И чувства, что так тонки...

А он? Северянин? В его наружности не было ни одной северной черты. Как есть южанин! Загадочны эти русские люди. Он был высокий, худой, очень сутулый. На голове черная грива. Голос у него был глуховатый, но сильный. Он читал свои стихи в своей собственной манере. И это было странно, потому что к его музе более подходили бы и другой голос, и другой выговор... А ведь он был совсем скромный! Тихий, молчаливый. Но не угрюмый, нет, не угрюмый. Он молчал и слушал охотно, а на «слушающих» губах его была добрая улыбка. В ней обозначалось одновременно и что-то детское, и что-то умудренное: «Аще не будете, яко дети, не внидете в Царствие Божие...» *(Отворачивается, как бы скрывая нахлынувшие чувства. После паузы.)*

В Югославии Игорь стыдился того, что написал в молодости - всех этих «ананасов в шампанском». Его лира устала от побрякушек...

Игорю захотелось по себе оставить память в бронзе и граните, а не только в ювелирных побрякушках. *(Смеется по стариковски.)* Кхе-кхе! Обронзить свой гранит! Его муза все чаще прилетала с родины. *(Смеется.)* Это я теперь на родине, правда, в тюрьме, а он в могиле. Надо же – умер и был похоронен за границей, а вот, поди ж ты покоится теперь в родной земле...

Я теперь часто вспоминаю его сонет ко мне. Он прислал мне его на обороте своей фотографической карточки. Каюсь, я немного тщеславный. Я заключил портрет с автографом в двустороннее стекло, но повесил все же лицом в комнату. Мне нравилось, что он смотрит на меня своими добрыми глазами, когда я пишу плохие стихи ему или Марийке. *(Декламирует.)*

Он нечто фантастическое! В нем
От дон-Жуана что-то есть и дон-Кихота,
Его призвание опасная охота,
Но, осторожный, шутит он с огнем.

Сцена четвертая.

Поезд. Вагон I класса, двухместное купе. Перестук колес. Игорь и Фелисса.

Игорь (декламирует):

В нем нечто фантастическое: в нем
Художник, патриот, герой и лирик,

Царизму гимн и воле панегирик,
И, осторожный, шутит он с огнем...

Он у руля - спокойно мы уснем.
Он на весах России та из гирек,
В которой благородство. В книгах вырек
Неперекаемое новым днем.

Его призванье - трудная охота.
От Дон-Жуана и от Дон-Кихота
В нем что-то есть. Неправедно гоним

Он соотечественниками теми,
Кто, не сумевши разобраться в теме,
Зрит ненависть к народностям иным.

Фелисса: Ты ему сильно польстил. Особенно насчет Дон-Жуана и Дон-Кихота.

Игорь: Друзей нельзя удержать правдой. Друзей можно удержать только лестью.

Фелисса: Поэтому ты хочешь, чтобы тебе всегда говорили комплименты, подогревающие твою гениальность?

Игорь: Я – гений. И в этом я не разрешаю сомневаться никому, даже тебе.

Фелисса: А себе?

Игорь: Что себе?

Фелисса: Себе ты позволяешь в этом сомневаться?

Игорь: Редко.

Фелисса: А Дуняше позволяешь?

Игорь: Ты ищешь ссоры?

Фелисса: Нет. Просто интересуюсь. Ведь я имею право интересоваться – я твоя жена.

Игорь: Я имел неосторожность написать графине Карузо про это увлечение, но не думал, что графиня окажется столь болтлива.

Фелисса: Признайся, ты действительно рвал заграничные турне только ради того, чтобы увидеться со своей Дуняшей?

Игорь: Ты сама знаешь, что это глупости.

Фелисса: А в Париже? Тогда в Париже, когда нам предлагали турне по Америке, почему ты отказался?

Игорь: Я не выдержал бы морского путешествия.

Фелисса: Ты же любишь море. Океан должен был бы тебя вдохновить.

Игорь: При одном воспоминании о том, чего я натерпелся на пароходе по дороге из Штеттина в Ревель, меня бьет дрожь.

Фелисса: Но, дорогой, это же был зимний шторм! Ты же знаешь, что зимние шторма на Балтике бывают ужасными, но никогда затяжными. Мне рассказывали, что в Атлантике месяцами бывает штиль – ни облачка, ни дуновения ветерка.

Игорь: Единственный человек, которого я знал в Америке, был импресарио Осип Дымов. Я писал ему, но не получил ответа.

Фелисса: А Владимир не побоялся ехать в Америку. Он коммунист, а не побоялся ехать к буржуям.

Игорь: Маяковский не коммунист. Он почти поэт и это «почти» многое объясняет в его поведении. В Америке нет (*с нажимом*) моей публики. Мне там делать нечего.

Фелисса: Не могу поверить в то, что ты испугался морского путешествия.

Игорь: Это тебе не в Тойла и не в Шмецке на лодочке рыбачить. Это – Атлантика!

Фелисса: Шмецке... Ах, Шмецке! Теперь я, наконец, поняла: это не Дуняша. Это Ирина. Или это ее сестра?

Игорь: Положительно, ты ищешь ссоры. Ты еще Храстовец вспомни, если уж на то пошло!

Фелисса: А чего тут вспоминать? Святое семейство из Сараево? Или эту старую сводню Орлицкую?

Игорь (*меняя тему*): Нет, другое. Помнишь, на Дрине мы ходили босиком по речной отмели.

Фелисса (*иронически*): И там ты сочинил очередную поэму, в которой восхваляешь сомнительные прелести Валентины Васильевны?

Игорь: Перестань, прошу тебя. Там – другое. Я вдруг вспомнил свое детство.

Фелисса: Ты уже десять лет его вспоминаешь.

Игорь: Ничего удивительного, ведь я стареющий поэт.

Сцена пятая.

Шестью месяцами ранее. Югославия. Старинный замок графов Герберштейн. Игорь, Сергей Александрович, Вера Яковлевна. Игорь сидит на стуле, закинув ногу на ногу, и курит папиросу. Вера

Яковлевна застыла у дверей. Сергей Александрович у стола с тетрадью в руке.

Сергей Александрович: Игорь Васильевич, я хочу серьезно поговорить с вами. *(Уловив движение Веры Яковлевны к дверям.)* Вера Яковлевна останьтесь, *(с нажимом)* вы мне нужны.

Вера Яковлевна вновь застывает у дверей.

Игорь: Сергей Александрович, уважаемый, мне кажется, что мы могли бы все выяснить без посторонних.

Сергей Александрович: Вера Яковлевна, я настаиваю, чтобы вы остались. Дело касается и вас.

Игорь: Чем могу быть полезен?

Сергей Александрович: Милостивый государь, вы изволите волочиться за моей женой!

Игорь: О-о!

Сергей Александрович: Милостивый государь, в приличном обществе это не принято!

Игорь: Ах, вот вы о чем!

Сергей Александрович: Милостивый государь, мы приняли вас в своем доме как друга. Вы нарушили законы гостеприимства!

Вера Яковлевна (сухо): Сергей Александрович, сейчас вы у меня в гостях. Это Храстовец, а не Сараево.

Сергей Александрович: Не держите меня за идиота. Я рога носец, но не идиот! А вы - сводня!

Вера Яковлевна: Занятно.

Сергей Александрович: Действительно занятно, но я все же рассчитываю получить удовлетворение.

Игорь: Вы не можете рассчитывать на удовлетворение. Я поэт, а не бретер.

Сергей Александрович: Я настаиваю.

Игорь: Ну, разве что дуэль будет на удилищах.

Сергей Александрович: Ваша ирония не уместна. Я требую удовлетворения!

Вера Яковлевна: Вы можете требовать чего угодно, но не у меня в доме.

Сергей Александрович: Сводня будет говорить тогда, когда ее спросят. Сейчас молчите!

Вера Яковлевна: Я не позволю вам по-хозяйски распоряжаться в моем доме!

Сергей Александрович: Вы сами дали мне на это право! Вчера вы по-хозяйски распорядились моей семейной жизнью и не сочли необходимым посоветоваться со мной. Вы организовали моей жене тайное свидание.

Вера Яковлевна (удивленно): Какое свидание?

Сергей Александрович: Охотно объясню. Вчера вы предоставили этому господину (*кивает на Игоря*) комнату для тайного свидания с моей женой.

Вера Яковлевна: А с чего вы решили, что свидание было тайным?

Сергей Александрович: Я узнал об этом свидании случайно, от третьего лица.

Игорь: Если даже Валентина Васильевна не сочла нужным поставить вас в известность, то это еще не повод подозревать ее в супружеской измене. Что бы там не болтали «третьи лица», но моя жена всегда вне подозрений.

Сергей Александрович: Ошибаетесь. Мне доподлинно известно, что Фелисса Михайловна принимала участие в этой интриге против меня. Она предупредила вас о том, что я ищу жену.

Игорь: Мыслимое ли дело, чтобы жена предупреждала супруга, о том, что его ищет обманутый муж-рогоносец. Ваша подозрительность положительно переходит все границы.

Сергей Александрович: Как вы смеете разговаривать со мной таким тоном!

Игорь: Коли мы говорим на равных, чему свидетельство ваш вызов, то смею. Ваши подозрения не имеют оснований.

Сергей Александрович: А это? (*Демонстрирует тетрадь.*) А это как прикажите понимать?

Игорь: Это моя тетрадь. Где вы нашли ее?

Сергей Александрович: Я нашел ее в вещах моей жены.

Вера Яковлевна: Вы унизились до обыска?

Игорь: Как видно.

Сергей Александрович: Не смейте говорить со мной в таком тоне! Это вы, Вера Яковлевна, вызвали нас сюда из Сараево. Теперь я знаю, в каких целях.

Вера Яковлевна: Позвольте полюбопытствовать?

Сергей Александрович: У меня под носом вы организовали дом свиданий. Бордель! На воротах вашего замка не хватает только красного фонаря.

Вера Яковлевна: Выбирайте выражения. Вы оскорбляете не только меня, но и свою супругу.

Сергей Александрович: Плевать! Если это будет опубликовано (*потрясает тетрадь*), то я стану посмешищем для всей Европы.

Вера Яковлевна: Насчет всей Европы вы преувеличиваете. Что ж такого страшного в этой тетради для вашей репутации?

Сергей Александрович: Извольте. Это стихи, посвященные моей супруге. А чтобы ни у кого не было сомнений, то здесь так и написано: «Милой Валентине, от любящего ее Игоря».

Вера Яковлевна: Я не вижу в этой надписи ничего оскорбительного для вас лично.

Сергей Александрович: А я нахожу. Вот извольте послушать (*читает из тетради*).

«Взгляните, как смотрят прохожие:
Вероятно, мы очень странные», -
Сказала она, похожая
На лилию благоуханную.

И в глаза мои заглядывая,
Склонная к милым дурачествам,
Глазами ласкала и радовала
Своим врожденным изяществом.

Вера Яковлевна: По-моему очень даже изящно. Прелестные стихи.

Сергей Александрович: А вы на дату взгляните, на дату!

Вера Яковлевна: А при чем здесь дата?

Сергей Александрович: 10 августа! Десятого вы на целый день отправили меня на экскурсию в горы. Валентина Васильевна сказала больная, а Игорь Васильевич как будто с утра ушел на рыбалку. Ан, нет, оказывается, они вместе гуляли по городу!

Вера Яковлевна: Это ничего не доказывает.

Сергей Александрович: А вот извольте еще (*читает из тетради*).
Прикрыла глаза улыбочиво
И пальцами нежно хрустнула.

Вполголоса переливчато:
«Дотронетесь, - и я почувствую».

Ну что же? И я дотронулся.
И нет в том беды, по-моему,
Что нам не досталось соуса,
Хотя он был дорогостоимый.

Игорь (*прикуривая новую папиросу*): Соуса нам действительно не досталось.

Сергей Александрович: Ага! Вы признаете!

Игорь: Смотря что. Соус, например, признаю.

Сергей Александрович: А это, вы тоже не признаете? (*Читает из тетради.*)

Твои уста... В них полдень Явы,
В них тайна русского огня.
Ах, созданы они для славы
И – через славу – для меня!

Игорь (*не вполне уверенно*): Ну-у, это же метафора.

Сергей Александрович: А это тоже метафора? (*Читает из тетради.*)

Ты из своей весны шестнадцать дней
Мне радостно и щедро подарила.
Ты в эти дни так бережно любила...
Я женщины еще не знал нежней!

Игорь (*уверенно*): Конечно, метафора.

Сергей Александрович: А как я должен это понимать? (*Читает из тетради.*)

Здесь все пропоцелуено насквозь,
И здесь слова такие возникали,
Что если б влить в бокал их удалось,
Они вином заискрятся в бокале!

Игорь (*со вздохом*): Разумеется, не буквально.

Вера Яковлевна: Мне кажется, что на этом конфликт может быть исчерпан.

Сергей Александрович (*размахивая тетрадью*): Я настаиваю на удовлетворении!

Вера Яковлевна: Ваша жена знает, что вы нашли тетрадь? Если нет, то тетрадь надо вернуть на место.

Сергей Александрович (*ошеломленно*): Зачем вернуть?

Вера Яковлевна: А затем, что она вам не принадлежит.

Сергей Александрович: Кто же тогда ее хозяин? Уж не вы ли?

Вера Яковлевна: Ваша жена.

Сергей Александрович: Ну, это уж слишком! Сейчас вы мне скажите, что, и жена мне не принадлежит.

Вера Яковлевна: И скажу! Валентина Васильевна не может принадлежать вам как вещь! (*Останавливая возражения.*) Ни слова более! Я принесу вина для примиренья. (*Уходит.*)

Сергей Александрович: Что мы теперь будем делать?

Игорь: Забудем обо всем и помиримся. И прежде, чем уйти оставьте мне тетрадь. Я на нее тоже права имею.

Сергей Александрович: Как и на мою жену?

Игорь: Ваша жена не хуже и не лучше других моих поклонниц.

Сергей Александрович: Поклонниц или любовниц?

Игорь: Опять вы за свое. Удовлетворения я вам не дам. С вас достаточно того, что вы владеете сокровищем.

Сергей Александрович: Так вы мне объясните – я рогоносец или скупой рыцарь?

Игорь: Скорее рыцарь.

Сергей Александрович: Звучит как извинения.

Игорь: Пусть так. Оставьте тетрадь, она вам больше не нужна. Я сам верну ее вашей супруге.

Сергей Александрович: Надеюсь, не в постели у Веры Яковлевны?

Игорь: Вы опускаетесь до пошлости.

Сергей Александрович: Меня окунули в грязь лицом, какая уж тут пошлость!

Игорь: Так пойдите и умойтесь.

Сергей Александрович кладет на стол тетрадь и медленно уходит. Игорь раскрывает тетрадь, и что-то быстро в ней пишет. Вера Яковлевна застывает в дверях с подносом в руках. На подносе Бутылка вина и три стакана. Поставив точку, Игорь замечает Веру Яковлевну.

Игорь: Вот послушайте. Я это написал сегодня утром. *(Декламирует.)*

Ты отдалась вчера на редкость мило:
Так радостно, так просто отдалась.
Ты ждущих глаз своих не опустила,
Встревоженных не опустила глаз.

Была скромна. Слегка порозовела.
Чуть улыбнулась уголками губ.
Покорливое трогательно тело,
И вступ в него — упругий, сладкий вступ.

Ты девушкою, женщина, казалась
По некоторым признакам, но все ж
По-женски и со вкусом отдавалась,
Да так, что, вспомнив, вздрогнешь и вздохнешь.

Сцена шестая.

Прожектор освещает левый край сцены. Владимирская тюрьма. Угол тюремной камеры. Нары.

Василий Витальевич: Мне сегодня снова приснились Северяне. Помните, я рассказывал вам о «слушающих» губах Игоря? На этих с добротой улыбающихся губах был еще и оттенок некой печали. Печаль его мало сама себя сознавала, потому была необычайно для меня трогательна. Печаль, я думаю, была и «вообще» и «в частности». «Вообще» объяснять не приходится. Достаточно сказать, что он был эмигрантом. А «в частности»? Да, была и какая-то печаль и в частности...

Была ли Фелисса когда-то вдохновительницей некой скандинавской поэмы Игоря, не знаю. Но в Югославии он смотрел на нее с любовью, что, несомненно. С любовью детской и умудренной одновременно. Умудренной - это естественно: он был значительно старше нее. Но - детской? Она была младше его и вместе с тем очень старше. Она относилась к нему так, как мать относится к хорошему, но испорченному ребенку. А Игорь был совершенно непутевый - стопроцентная богема, причем на чисто русском рассоле. Фелисса была от балтийской воды, Игорь от российской водки...

Он мне как-то признался, что терпеть не может мещанства и пошлости. Фелисса была поэтесса и совершенно не мещанка. Но все же у нее был какой-то маленький домик, где-то там, на Балтийском море, и была она, хоть и писала русские стихи, телом и душой эстонка.

Это значит, что в ней были какие-то твердые основы, какой то компас, какая то северная звезда указывала ей некий путь...

А у нее был характер, у этой принцессы с эстонской мызы! Она не отступила перед задачей более трудной, чем выучиться писать русские стихи - она решилась вырвать русскую душу у «болярина Петра Смирнова». В целом ей это удалось. В Игоре не было никаких признаков тоски по «болярину Смирнову», кроме разве вот этой полупечали. Впрочем, могу только догадываться, что в борьбе, которую повела эстонка за русский талант, талант много раз больно огорчал ее. Наверное, именно поэтому ее чувства существенно переродились. Из принцессы ей пришлось стать гувернанткой. Но по-

ребность восхищения в ней все же осталась. Ведь она же была поэтесса! Игорь это понял, он это чувствовал. Понял, но уже не мог наполнить поэтических зал в ее душевных аппаратах. Это было горько. Тем более горько, что справедливо. Разве он этого не заслужил? Несправедливость уже таит в себе природное утешение. Заслуженное - справедливое – оно действительно печалит безмерно...

Чем выше Фелисса подымалась, тем ниже Игорь падал в своих собственных глазах. Они расходились, как ветви гиперболы.

Сцена седьмая.

Правый угол сцены. Два года спустя. Комната в Тойла, освещенная тусклой керосиновой лампой. Фелисса у стола читает письмо. Звучит незнакомый голос.

Незнакомый голос: Дорогая Фелисса Михайловна. Исполняю Ваше желание и пишу Вам. Расскажу Вам все события по порядку.

В тот вечер, когда мы были у Вас, Игорь Васильевич, накаленный разговорами и нашим общим мнением, вернулся домой раздраженным. Мы оба устали и быстро покушав, разошлись спать. Я почти уже засыпала, как вдруг яростный свистящий голос отогнал сон: «Как ты смела, сволочь, как ты смела!» Бац, бац - слышу удары и падение тела на пол, и все увеличивающиеся спорные голоса. Его - разъяренный, ее - невозмутимо оправдывающийся.

Я не знала, что предпринять. Как будто бы интеллигентные люди не должны вмешиваться в ссоры супругов, а между тем, там избиение. Вскочила с кровати, свет не могу зажечь, выключатель не нахожу, вещи в темноте тоже не нахожу. Пришлось быть свидетельницей безобразнейшей сцены: вернее, немой слушательницей. Я ведь отчаянная трусишка, мне казалось, что я в каком-то притоне, где апаш избивает свою любовницу. Прижавшись лбом к холодному стеклу окна, я стояла, время ползло и мне казалось - конца не будет всему этому. Но кончилось это так же внезапно, как и началось. Игорь Васильевич захрапел, а Вера Борисовна крадучись вышла в мою комнату умываться. Я ее окликнула,

тем более что мне было нехорошо с сердцем и хотелось выпить воды.

Это забитое испуганное существо начало мне объяснять, что, как и почему, говоря почтительно, что он очень устал, спит, и что не дай Бог, что было, даже бросил ее на колени, заставляя себе целовать ноги. Причины ссоры я Вам не описываю – Игорь Васильевич, вероятно, Вам рассказал, однако каков бы ни был проступок - избивать беззащитную женщину - это ужас. Я не спала всю ночь, с накапливающим волнением и холодной злостью ожидая его пробуждения. Когда он встал, я заявила, что ни в какую Тойлу я не еду, а возвращаюсь домой, что он чудовище, я его боюсь и т.д. Он обрушился на Веру Борисовну, что она мол виновата, вызвав его «святое негодование»(!) Вера Борисовна умоляла меня ехать. Ее тупая покорность меня раздражала.

Солнечный свет разогнал мои страхи, все показалось мне шаржированно-комичным. Тем более что сама «жертва» была весьма спокойна (видимо, «ничего», нравиться). Мне хотелось смеяться, да и перспектива ехать на авось и разыскивать румынского консула в Риге мне не улыбалась, и я поехала в Тойлу. Под дождем, с промокшими ногами, оба в грязи, голодные, мы приехали в Пюхайыги. Увы! И здесь скандал: «голубая комната» - столь ожидаемая сдана за неуплату. Затем звонок от Веры Борисовны с сообщением, что у нее воспаление мозга, и с требованием немедленно возвращаться.

Искренне огорчена вашим коварным поведением в отношении своего творчества. Неужели не жалко? Я вас не понимаю и боюсь писать об этом, чтоб вас не рассердить, но, поверьте, с большой нежностью вспоминаю тот вечер, когда мы ждали Игоря Васильевича и вы мне прочли некоторые из своих стихов. Такие красивые тонкие стихи! Необыкновенное наслаждение! Увеличенное тем, что вы походили на Ундину: рассыпанные по плечам золотые волосы и голос звучал обиженным серебряным колокольчиком. Прелестный, но грустный вечер. Я тогда чувствовала вас такой необыкновенно женственной, хотелось защищать вас от всего мира и от Игоря Васильевича в особенности.

До свидания, нежно целую Лида. Письма Игорю Васильевичу не показывайте.

Сцена восьмая.

Поезд. Вагон I класса, двухместное купе. Перестук колес. Игорь и Фелисса.

Фелисса: Как резко за окном стемнело. Помнишь ночь по дороге в Сараево?

Игорь: Тогда был ливень, и за окном сверкали молнии.

Фелисса: Странно, но я совсем не помню раскатов грома.

Игорь: Это из-за близости паровоза и стука колес.

Фелисса: Мы были вдвоем в пустом вагоне I класса.

Игорь: Нам никто не сказал, что первый вагон может быть опасен в грозу.

Фелисса: Да, но мы все равно хотели остаться вдвоем. Даже, если бы мы знали, гроза в горах не остановила бы нас.

Игорь: Мы никогда не говорили с тобой об этом. Ты вспомнила пророчество Финка, когда наш вагон опрокинулся в пропасть?

Фелисса: Нет. Я совершенно не думала о каком-то там пророчестве.

Игорь: А помнишь, как во внезапно наступившей тишине ливень барабанил по окнам накренившегося вагона и крики машиниста?

Фелисса: Крики машиниста мы слышали позже, когда выбрались наружу.

Игорь: Беднягу придавило колесом паровоза. У него был шок, и он все время кричал «Друзи, добейте меня!»

Фелисса: Прежде, чем выбраться из вагона я почему-то схватилась за пудреницу.

Игорь: Ты еще сказала что-то очень остроумное.

Фелисса: Я сказала, что не хочу предстать перед Богом с красным носом. А пудру смыло дождем в первую же минуту.

Игорь: А я вспомнил пророчество, как только понял, что произошло. Мне было совсем не страшно. Вот только в ушах все время стояли крики машиниста. Но Финк в Риге был прав: все окончилось благополучно.

Фелисса: А мне стало страшно утром, когда нас привезли в Сараево. Нас встречали, как мертвецов с того света. Особенно старалась твоя Валентина Васильевна.

Игорь: Не надо о ней. У меня такое чувство, что мы ее никогда больше не увидим.

Фелисса: Почему?

Игорь: В Европе снова пахнет войной. Даже старик Мережковский учуял, что порохом пахнет сильнее, чем ладаном. По его словам, Европа - это новая Атлантида. Я не во всем с ним согласен, но порохом определенно пахнет. Во всяком случае, Германия для нас уже закрыта. Скоро закроется Франция. Потом Балканы. Потом Литва и даже Рига для нас будет недоступна.

Фелисса: Ты хочешь сказать, что мы уже нежелательные иностранцы?

Игорь: Мы нежелательные, потому что нас победили большевики. Я, например, нежелательный дачник с восемнадцатого года. Мережковский говорит, что глыба коммунизма на Востоке уже тает, а когда окончательно растает, то погребет под своими обломками Запад. Пусть так! Но без Бога нет жизни, нет поэзии, нет музыки, нет любви. И победитель - встанет день - погибнет. Но прежде, может быть, погибнет Европа. Мережковский думает, что новая война начнется на Балканах. Так, что это не мы мертвецы с того света, а наши югославские, болгарские и румынские знакомые. Вот кому я не позавидую, причем в самое ближайшее время.

Фелисса: Ты только что обозвал всех заграничных знакомых сволочами. Так, кто они - сволочи или мертвецы?

Игорь: Они ведут себя, как сволочи, потому что знают, что уже мертвы. Мне Алеша Масаинов в шестнадцатом году рассказывал, что видел на войне раненых, тело у которых было мертво, но мозг еще не знал об этом. В жизни тот, кто знает о том, что он мертвец, тот ведет себя как сволочь. Его ничто не связывает с миром живых.

Фелисса: Ты пугаешь меня, Игорь. Я начинаю думать, что мы тоже мертвы. А в нашем деревенском захолустье нельзя быть живым мертвецом – соседи не оценят юмора, да и в лавке мертвецу никак не получить кредита. Ты устал, Игорь. Вот вернемся домой, пойдешь на рыбалку, и все твои апокалиптические видения улетучатся с первой же уловленной лосоской.

Игорь (*очень серьезно*):

Неизвиняемо я виноват
Перед тобой, талантом налитая.
Твоих стихов отчетлив аромат,
По временам из дали налетая.

Тебя я знал, отвергнувшую ложь,
В весёлом, вешнем платье подростка.
Тобой при мне, тобою гордым сплошь,
Ах, не одна уловлена лососка!

Фелисса: Ого! Родник еще не иссяк. Ты уже на пути к выздоровлению.

Игорь (*продолжает декламировать*):

А как молитвенно ты любишь стих
С предельной предусмотренной красою.
Твой вкус сверкает на стихах моих
Лет при тебе живящею росой.

Тебе природа оказала честь:
Своя ты в ней. Глазами олазоря
Сталь Балтики, как любишь ты присесть
На берегу, мечтаючи, дочь моря!

С улыбкой умягченной, но стальной
Презрела о поэте пересуды,
Простив ему заране в остальной –
Уже недолгой! - жизни все причуды...

Одна мечта: вернуться бы к тебе,
О, невознаградимая утрата!
В богоспасаемой моей судьбе
Ты - героиня Гёте: ты - Сперата!

Фелисса: Благодарю за столь роскошный подарок!

Игорь: Он еще не закончен. Вот закончу, тогда и будешь благодарить.
Лидия Тимофеевна сказала мне, что ты сожгла тетрадь со
своими стихами.

Фелисса: Сожгла.

Игорь: Зачем же я тогда писал к ним предисловие?

Фелисса: Я сожгла тетрадь именно потому, что ты написал к моим
стихам предисловие. Я не хочу, чтобы нас сравнивали. Я пи-
шу стихи и даже соглашаюсь с тобой, когда на людях ты на-
зываешь меня поэтессой, но я-то знаю, что я просто необра-
зованная деревенская женщина. Не перебивай! Больше я не
напишу ни строчки. Я больше не поэтесса. Я стала взрослой.

Игорь: Чем я тебя обидел?

Фелисса: Ничем. Я знала, что никогда не дождусь от тебя настоящей
благодарности. Восторженных стихов – да, благодарности –
нет. Мне не на что обижаться. Помнишь, как Берлине я ушла
с прощальной вечеринки, когда Саша Кусиков стал подшучи-
вать надо мной?

Игорь: Дурак, он соблазнял тебя работой в Советской России.

Фелисса: Дело не в этом. Я ушла в ночь, хотя и подозревала, что ты
останешься с ними. Но я все равно ушла. В тот момент мне

было наплевать пойдешь ты за мной или нет. Я была готова к самому худшему.

Игорь: А я был уверен, что через пять минут ты вернешься. Правда, уже в следующую минуту я осознал, что ты уходишь навсегда.

Фелисса: Ты не захотел меня потерять?

Игорь: Да, потерять тебя боязнь моя была безмерна.

Фелисса: Только что ты был серьезен, а теперь отшутился.

Игорь: Фишка, я очень серьезен. Нам везет только, пока мы вместе. Я верю в это пророчество Финка. Дуничка, Ирина, Виктория, Валентина – все они там, за пределами нашей жизни. Нельзя же принимать в расчет пейзаж окном.

Фелисса: И на погоду нельзя обижаться. Я не обижаюсь на твоих пассий, но не обижаюсь до поры. Помни Берлин: повернусь и уйду навсегда.

Игорь: Мои пассии, как ты их называешь, лишь средство для ярко-певучих стихов. Я не могу без вдохновения. Я не могу без искусства. Я не могу без поклонения. В природе настает весна, в моей жизни - осень, поздняя осень, предзимье даже. Но не знаю, как-то плохо все это еще чувствуется. Разве - иногда, минутами. А так бодрости и оживления хоть отбавляй! Молода душа, живуча, и часто такое «выкидываешь», что потом сам изумляешься! Правда, это случается редко и, чем дальше, тем все реже. Все же и теперь, два три раза в год, на меня что-то находит. Тогда я бегу куда-нибудь в леса, на озера или в Гунгербург. После «встряски» делаюсь спокойнее и мудрее. Примитив жизни становится еще дороже, еще ценнее и прекраснее, а двуногие еще противнее. Ты знаешь, что мне необходимы контрасты, но ты враг всяких «срывов» и реагируешь на них весьма болезненно.

Фелисса: Два три раза в год, значит, в остальное время я вправе рассчитывать на твоё внимание? В это время я – средство для ярко-певучих стихов? Ах, Игорь! Если бы это было так. Я была

бы самой счастливой эстонкой на свете! Кстати, у меня тоже две ноги.

Игорь: Твои ноги – не в счет.

Сцена девятая.

Прожектор освещает левый край сцены. Владимирская тюрьма. Угол тюремной камеры. Нары.

Василий Витальевич: Сегодня я прощаюсь с Северянами. Мне ночью приснился Шаляпин. Как это прелестно! У меня такая компания в этой камере, что на свободу и не рвусь. Впрочем, мне не хватает моей бедной Марийки. Мария Дмитриевна живет по соседству с тюрьмой. Регулярно приносит мне передачи, но видеться нам нельзя. А ведь я не видел ее целых семь лет! Весь ужас в том, что она мне совсем не снится...

А вчера мне приснилось, как с Северянами мы пили черное кофе в одном конавлянском селе. Называется оно «турска кафа». Его там пьют повсюду. Перед каждой варкой мелется из зерен свежее кофе в очень красивых, натертых до блеска золота, массивных цилиндрах, которые когда мелют, зажимают между колен. Для варки используют маленькие медные кофейники с непомерно длинной ручкой, называемые «од бакра». За эту ручку «турска кафа» ловко вырывается из огня, потому что закипает она мгновенно. Какая-то особая пенка придает «кафе» густой темно-коричневый цвет. Очень сладкую, горячую, ароматную «турску кафу» подают в маленьких чашечках. «Кафа» совсем не похожа на черный кофе по-французски. Той кислой дряни, которую с пленительной улыбкой подает вам француженка под тентом safe-nature, здесь не знают. Сравнить же с той ячменной бурдой, которую подают здесь по воскресеньям, я не могу...

О чем это я? Ах, да о Северянах. То, что я напишу сейчас в своем дневнике, я заключаю из некоторых недомолвок милых моих Северян. La froideure de la femme [*холодность женщины*] очень легко было подозревать в Фелиссе - этой северной женщине. Холодность гармонировала бы с ее льняными гладко зачесанными волосами. Принято думать, что черноокие и чернокудрые красавицы юга исполнены ог-

ня, но и они часто бывают холодны как лед. Все в обращении Фелиссы с Игорем было *sentait l'amour blanc* [*чувством чистой любви*]. Под этим холодным «вы», с которым они обращались друг к другу на людях, скрывалось очень знойное «ты». Только это «ты» тщательно береглось от чужих глаз. Потому береглось, чтобы его вполне сохранить для минуты, когда говорить: «Наконец, мы одни!»

Сцена десятая.

Прожектор освещает правый край сцены. Декабрь 1941 года. Кладбище. Свежая могила с деревянным крестом. Фелисса и Вера Борисовна.

Вера Борисовна: Если бы я знала, что он так быстро умрет, то я бы привезла его в Тойла.

Фелисса: Почему вы сразу не дали мне телеграмму?

Вера Борисовна: Такова была его последняя воля: «Не тревожьте Фелиссу».

Фелисса: Вы же сказали мне, что он больше месяца был без сознания.

Вера Борисовна: Он говорил мне это еще в Усть-Нарве.

Фелисса: Я понимаю это так, что вы знали о скорой смерти Игоря, но все же поволокли его в Таллинн?

Вера Борисовна: Он вас давно уже не любил.

Фелисса: И что из этого?

Вера Борисовна: Он ушел от вас ко мне по доброй воле.

Фелисса: Как он умер?

Вера Борисовна: Игорь умер легко - во сне. Проснулся ночью, сел на постели и говорит мне: «Верушка, уедем вместе!» В смысле

умрем. Я остолбенела. Потом он сразу умер. А мне надо жить, у меня на руках дочь. Наша дочь.

Фелисса: Бред какой-то!

Вера Борисовна (*охотно соглашается*): Да, наверное, это был бред – предсмертный бред, но я не могла уехать с ним.

Фелисса: Скажите мне честно, в эти годы, что Игорь провел с вами, он был счастлив?

Вера Борисовна: Мы были счастливы вполне, если бы не его болезнь.

Фелисса: Мне говорили, что он был груб с вами и даже опускался до банального рукоприкладства.

Вера Борисовна: Господь с вами! Мы жили дружно.

Фелисса: Мне говорили, что он лупил вас палкой.

Вера Борисовна (*твердо*): Ложь! Но даже если бы, когда-нибудь, - то это наше семейное дело. Игорь слишком любил свою дочь, чтобы избивать ее мать.

Фелисса: Пока я жива, лучше вам об этом не болтать! Дочь Игоря Валерия живет в Тойла. Ваша дочь – это ваша дочь. К Игорю она не имеет никакого отношения.

Вера Борисовна: Он называл мою Валерию златокудрая дочка. Он так светло радовался ее рождению!

Фелисса: Меня вы не обманете. Игорь был в здравом уме и никогда бы не назвал двух своих дочерей одинаковым именем.

Вера Борисовна: Откуда вам знать был ли он в своем уме?

Фелисса: Ах, вот как ставится вопрос! Значит, Игорь выжил из ума на старости лет? Впрочем, ваша Валерия родилась в 1932 году, когда мы были еще вместе.

Вера Борисовна: Это ничего не доказывает. Мы встречались тайно.

Фелисса: Где встречались, позвольте поинтересоваться?

Вера Борисовна: Он просил сохранить счастье наших свиданий втайне. Такова была его последняя воля

Фелисса: Ах, счастье! Так знайте, что Игорь ничего от меня не скрывал. Зачем же ему надо было скрывать свиданья с вами?

Вера Борисовна: Затем, что он давно хотел уйти от вас, но боялся скандала. Как мы любили друг друга! Как мы вынесли тяжкое испытание разлукой! Как он тосковал по дочери!

Фелисса: Я знаю больше, чем вы думаете.

Вера Борисовна: Я тоже знаю, больше, чем вы думаете.

Фелисса: Что же вы знаете такого?

Вера Борисовна: Он вас давно не любил. У него были романы на стороне. У него был роман в Кишиневе, у него был роман в Югославии, наконец, у него был роман здесь, в Шмецке.

Фелисса: Бред какой-то! Если у вас с Игорем была любовь и общий ребенок, то зачем ему были нужны все эти романы на стороне?

Вера Борисовна: Такова была его воля! Он не хотел, чтобы вы догадались о нашей любви и навредили нам.

Фелисса: Поэтому он спал с другими женщинами?

Вера Борисовна: А откуда вы знаете, что он спал?

Фелисса: Так вы же сами только что утверждали, что спал!

Вера Борисовна: Я сказала, что у него были фиктивные романы, я не сказала, что он с кем-то там спал.

Фелисса: Вы меня не запутаете. Я знаю, какой была ваша жизнь все эти годы.

Вера Борисовна: Интересно знать какой?

Фелисса: Быть может, он уже и не любил меня, но вас Игорь не любил никогда. Ни единого дня в своей жизни он не любил вас. Это не он ушел от меня к вам, это я его выставила из дома.

Вера Борисовна: Интересно знать, почему вы прогнали его?

Фелисса: У меня не осталось сил терпеть ваши домогательства и шантаж – утоплюсь, повешусь, под поезд брошусь... И потом эти бесконечные вызовы на почту к телефону, ежедневные телеграммы с угрозами. Много раз потом я раскаивалась в своей минутной слабости, но вы городили одну ложь на другую, возводили одну нелепицу на нелепицу другую. И я сдалась. Я отступилась от Игоря под вашим бешеным напором.

Вера Борисовна: Так я виновата в том, что он меня любил? Что умер он с моим, а не с вашим именем, на губах?

Фелисса: Не лгите мне, хотя бы у его гроба! Он мне писал все эти годы, причем регулярно.

Вера Борисовна (*в ужасе*): Писал?! Все эти годы? За моей спиной?

Фелисса: Именно, что за вашей! Я знаю о вашей совместной жизни столько, сколько не знает никто. Вы думали, что теперь, когда Игорь умер, не осталось и свидетелей? Может быть, это не вы домогались кровосмесительного брака с вашим родным дядюшкой Валерьяном Дмитриевичем? Ведь это ради денег вы дядюшку из Туниса пять лет назад выписали? И в гроб его вогнали не вы? Вот как вы любили Игоря! Он обо всем писал мне и подтвердил лично при встрече.

Вера Борисовна (*справившись с волнением*): Ложь, ложь и еще раз ложь! Письма - это было наше общее решение. Он писал вам, чтобы вы не вмешивались в нашу жизнь, чтобы вы не разрушили нашу святую любовь. Если он вам писал так, значит, так было нужно. Только история нашей бессмертной любви дала обет молчания. Слишком много зла и ненависти было вокруг нас. Надо было таиться и скрываться, как можно надежнее от вас, от моего мужа. Было тяжело и больно! Страст-

но хотелось свободы, света, независимости, счастья, не при-
давленного, не полузадушенного. Иначе было нельзя. И мы
терпели... Так длилось до появления нашей доченьки. Тогда
открылась нам широкая даль, светлая и чистая дорога появи-
лась перед нами. Мы поняли, что нам делать.

Фелисса: Вера Борисовна, опять вы за свое! Какая «дорога»? Какая
«светлая даль»? Да вы Игоря так заласкали, что «ласками»
своими в гроб загнали безвременно!

Вера Борисовна: Естественно порвать надо с прошлым, безжалостно.
Он вас уже давно не любил. Ему надо было оставить все, дать
волю новому чувству, дать жизнь нашей девочке!

Фелисса: Почему же тогда вы не похоронили его в семейной ограде?
Отсюда до нее всего двадцать шагов.

Вера Борисовна: Такова была его последняя воля.

Фелисса: О чем вы говорите? Вы же сами мне сказали, что, он хотел
умереть в Тойла. Вы еще сожалели о том, что не знали, что
Игорь умрет так быстро, иначе отпустили бы его умирать ко
мне в Тойла. От большой любви отпускают любимого чело-
века умирать к нелюбимой женщине?

Вера Борисовна: Вы не просто женщина – любимая или нет, вы – же-
на. И брак ваш не расторгнут официально. Даже для немцев
вы официальная вдова, а не я. Между тем все расходы по ле-
чению и похоронам легли на мои плечи. Вы не помогли мне
ни сентом. Моя семья купила это место на кладбище.

Фелисса (ошеломленно): О смерти Игоря я узнала не от вас, а от сосе-
дей. Было сообщение по радио. Я едва успела получить раз-
решение на проезд в Таллинн. Господи, да что это я оправ-
дываюсь перед вами! Ведь получается так, что пока он был
здоров - был нужен, а как болеть и умирать, так надо было
отпустить его в Тойла, ко мне.

Вера Борисовна: Он тяжело болел все эти годы, но я же не жаловалась
вам.

Фелисса: Зато Игорь жаловался на все свои болезни и на вас тоже.

Вера Борисовна (*твердо*): Это ложь. Он любил только меня и свою дочь. Он хотел быть только с нами. Это он мне, а не вам написал перед смертью (*декламирует*):

Ты влилась в мою жизнь, точно струйка Токая
В оскорбляемый водкой хрусталь.
И вздохнул я словами: «Так вот ты какая:
Вся такая, как надо!»

(*Плачет.*) Фелисса Михайловна! Будем как сестры. Я буду работать, будем вместе воспитывать наших детей! Ради Игоря! Ради его святой памяти! (*Обнимает Фелиссу.*)

Финал.

В левом углу сцены слабо освещена фигура Василия Витальевича. В правом углу сцены слабо освещены фигуры Фелиссы и Веры Борисовны. Центр сцены у рампы освещен фиолетовым светом, делаящим человеческое лицо крайне неестественным. Звучит печальная музыка. Из темноты медленно появляется фигура, похожая на призрак Игоря, и замирает в луче инфернального света.

Георгий Аркадьевич (*голос за сценой*): Суворова из Игоря не получилось – в гроб не упало ни снежинок яблонových, ни классических роз. (*Декламирует.*)

Вы приснились мне, Игорь, - и каким-то печальным,
Пожилым и печальным, в пене редких кудрей;
Четверть века умчалось; было юности жаль нам, -
И стихов попросил я поновей, поострей.

И бестембровый голос, как холодная пена,
Из которой Киприда отлетела в мираж,
Мне сказал: «...королева... и совсем не Шопена...»
И скупливо добавил: «...не любил ее паж...»

Все зачеркнуто сразу! Кислородный мой Игорь!
Чьим стихом перед смертью надышаться б я мог!
Значит, в вас тоже пепел, та же выцветь и выгарь!
Те же гири на лире и на сердце замок!

Инфернальное освещение меняется на нормальное, и призрак обретает черты Игоря. Из полутьмы в своей камере на свет выходит Василий Витальевич. Свет, падающий на Фелиссу и Веру Борисовну становится ярче. Внезапно свет гаснет.

Занавес.

Таллинн. 2004.

